

Лия Завьялова

ЭТО ФОТО агентства Рейтер, запечатлевшее Эжена Ионеско, было опубликовано 3 декабря 1993 года в журнале «Фигаро Леттерер» вместе с дневниковыми записями, которые Ионеско, как известно, делал чуть ли не всю жизнь, даже когда его преследовали адские боли. 29 марта, в день его кончины, все французские газеты воспроизвели именно это фото, а вместо некролога поместили именно эти страницы дневника, должно быть, оказавшиеся последними. Во всяком случае, они дописывают автопортрет замечательного человека, который до конца дней своих задавался мучительными «вечными вопросами», писателя, который оставался верен себе и своим абсурдным фантазиям.

«Массажи больше не помогают. В данный момент боль такая, что я с трудом вожу пером по бумаге. Когда боли атакуют с такой силой, мысли не приходят на ум. Сейчас пять вечера, скоро наступит ночь, ставшая мне ненавистной, но время от времени она приносит извлекательный сон. Мои пьесы играют во всем мире, вызывая у зрителей смех и слезы, надеюсь, однако, что не боль. Знаю, что скоро уйду, и для меня каждый день — подарок.

Иногда меня навещают друзья. Преданные друзья — их визиты доставляют большое удовольствие и утомляют час спустя.

Что же хорошего я сделал в жизни? По-моему, я попусту тратил время, бросал слова на ветер. Внутри у меня пустота — экзистенциальная пустота, заполняющая мир. Как всегда, я думаю о смерти — она может наступить еще сегодня или же — будем надеяться — завтра, послезавтра и даже еще позднее. Как знать, ждет ли нас там какое-нибудь продолжение, ждет ли нас радость. Иногда я думаю, что молюсь, обращаю к Богу молитвы. Но как выглядит Бог? Мне думается, что Бог — овалный.

«...» В моей так называемой карьере мне помогали очень многие люди, которым я премного обязан и приношу им всяческую благодарность. «...» Помогали мне и счастливые стечения обстоятельств. Возможно, Бог тоже помогал мне и в жизни, и во всех моих трудах, но так, что я не замечал этого. К примеру, мне посочувствовал домохозяйка с улицы Клод-Террас, господин Коломбель, и не вышвырнул он изгнанника, не платившего за квартиру, да хранит его Господь, ведь и его мог ниспослать мне Бог.

Так, с Божьей помощью, я и дожил до этой огромной славы и дотянул до восьмидесяти лет и даже до восьмидесяти одного с половиной года, бок о бок с женой, пребывая в страхе и ужасе перед смертью и не отдавая себе отчета в том, как же Бог был милостив ко мне. Однако Он не отменил для меня смерть, что я считаю упущением с Его стороны, и, вопреки посредничеству служителей церкви, я так и не сумел, безоговорочно уверовав, упасть в объятия Бога. Я как тот человек, который ежедневно начинал утреннюю молитву словами: «Боже, сделай так, чтобы я поверил в Тебя».

Не знаю, как не знает никто, есть ли что-нибудь по ту сторону могилы или же нет ничего. Я склонен согласиться с Папой Иоанном Павлом II, что в мире происходит великая космическая война между силами добра и силами зла. Думается, я верю в конечную победу добра, но как и когда она произойдет?

«...» Так или иначе, я верую в Бога, поскольку верю в существование зла. Если существует зло, значит, существует и Бог».

Таковы чистосердечные признания Эжена Ионеско на пороге «мира иного», его исповедь, если угодно, credo — единственное в

Эжен Ионеско.
Фото Рейтер

«МНЕ ДУМАЕТСЯ, ЧТО БОГ — ОВАЛЬНЫЙ» Последний абсурд Эжена Ионеско

своем роде, поскольку эстетике абсурда он не изменяет и тут и, не страшась прослыть богохульником, представляет нам Всевышнего в облике персонажа театра абсурда, где non stop разыгрывается спектакль на фоне небесных сфер. Такова имманентная природа мышления, писательского дарования, которая помогала ему распознавать абсурд в жизни.

Но этого — такой «ереси» — как раз не могли понять, воспринять, допустить к читателям наши редакторы от соцреализма — все те, кто рещал за нас, что думать, любить и знать.

Ионеско с порога подвергся у нас решительному ostracismu. Пока весь мир «плакал и смеялся», как и написано в дневнике, над его пьесами, — в журнале «Иностранная литература» перевод «Носорога» пылится в течение трех лет.

Теперь «на нашей улице» праздник за праздником: издательство «Симпозиум», например, выпустило вслед за собранием Кафки собрание сочинений Ионеско в двух томах, щедро представив нам творчество писателя во всех жанрах. Наряду с нашумевшими пьесами, здесь рассказы, роман, киносценарий, мысли (пусть и «раскрошившиеся»), интервью, статьи, выступления... Если искать аналогии таким собраниям сочинений, на память приходит только «Плеяда» — самая престижная коллекция, издаваемая Галлимаром во Франции.

Из издательской аннотации: «Выдающийся писатель (пожалуй, правильнее — философ), родом из Румынии, он снискал литературный успех в Париже и стал всемирно известным классиком XX века — французским драматургом, с именем которого связано возникновение театра абсурда».

Если абсурд ранних пьес мог восприниматься как невинная игра безудержной фантазии, то после «Носорога» с его аллюзиями,

смысловой поливалентностью «оносороживания» людей, которое зрители наблюдали на сцене, на фоне реальных событий в жизни некоторых стран Европы, абсурд Ионеску уже не смешил, а ужасал (Жан-Луи Барро назвал эту пьесу бурлескным кошмаром), делая автора мишенью для кривотолков и нападков с разных сторон.

Ионеско был безразличен к земной славе. Отбрасывая ложную скромность, он с удовольствием упоминает в дневнике, что его пьесы играют во всем мире, что дожил до огромной славы. Однако это не манна небесная: он сам был радетелем, архитектором этой славы, мотаясь по белу свету на премьеры, следя за перипетиями судьбы своих детищ — что и где ставят или публикуют, споря с режиссерами, критикуя актеров... В заметках «Слова и послесловия» («Тетради», № 97) он писал о «Носороге»: «Успех, какой моя пьеса имеет у публики в Нью-Йорке, меня радует и в то же время немного огорчает. Я присутствовал всего на одной репетиции перед генеральной и, должен признаться, был совершенно сбит с толку. Насколько я понял, они превратили Жана, друга Беранже, комического героя, как бы носорога-слабака, в жестокого, свирепое животное. «...» Я увидел также на сцене боксерские матчи, которые не упомянуты в авторских ремарках, тем не менее их ввел режиссер — непонятно для чего. Мне частенько приходилось конфликтовать с режиссерами: они либо неоглядно дерзали, преуменьшая значимость авторских ремарок, искажая замысел, либо стремились его «обогащать», утяжеляли ложными украшательствами, лишними дешевыми эффектами».

«Жан-Луи Барро подал Беранже как героя комического и в то же время трагического. Своеобразного Шарло. В самом деле, он не раз повторял, что во французской литературе комедии и коми-

ческие персонажи лучше передают трагедию человека, нежели трагедии и персонажи трагические. В доказательство он ссылается на великие примеры из Мольера: Мизантроп, Скупой, Жорж Данден и другие, характеры которых на грани комического и драматического».

Немцы же трактовали мою пьесу иначе: для них она была трагедией — оносороживание символизировало приход нацизма, а Беранже — одинокий, беспомощный человек перед угрозой его прихода к власти. Так же толковали ее, например, румыны. Опубликованная в Советском Союзе (sic!) — Л.З.), пьеса «Носорог» и там была воспринята как политическая. Отсюда реакция — цензура не разрешала ставить ее в театре».

«С определенностью можно утверждать одно — Беранже ненавидит тоталитарный режим. Когда пьеса создавалась, кое-кто считал это ересью. Однако последующий ход исторических событий вскрыл суть идеологии, которые якобы во имя человека обернулись против людей и, похоже, оправдывают поведение моего Беранже...»

«Надеюсь, наступит время, когда люди будут жить в условиях реальных демократий и им не придется подчиняться диктату коллективизма, который лишает человека индивидуальности...»

«Некоторые критики упрекали меня в том, что, изобличая зло, я не объяснил, что же такое добро. «...» Лично я опасуюсь идеологии, которые вот уже лет тридцать только и делают, что добиваются оносороживания и с помощью своих философий порождают в людях коллективную истерию, жертвами которой, время от времени, становятся целые народы. Разве же не идеологи изобрели нацизм?»

«...» До настоящего момента «Носорог» прошел на сценах Германии свыше тысячи раз, сотни — в странах Америки, во Франции, множество представлений состоя-

лось в Англии, Японии, Скандинавских странах, Чехословакии, Польше, Голландии и др. Меня поражает успех этой пьесы. Но понимают ли ее так, как надлежит? Распознают ли в ней тот чудовищный феномен — торжество массового сознания, о котором я веду речь на ее страницах? А главное, все ли зрители сами являются индивидуальностями, сохранили душу — единственную и неповторимую?»

***

Возможно, Ионеско так и не узнал, что пьеса «Носорог» в конце концов добралась у нас не только до читателя, но и до зрителя. В 1987 году Валерий Белякович первым поставил ее в своем «карманном» «Театре на Юго-Западе». Это не Париж, где в Théâtre de poche стоит до десяти глубоких бархатных кресел на колесиках и зритель может ставить свое под любым углом к сцене. В театре Беляковича (теперь у него новое помещение) примерно на такой же площади зрители сидели впритык на дощатых скамьях, поднятых, чтобы увеличить вместимость, чуть ли не до потолка, а перед первым рядом детишки усаживались прямо на пол. Зато какая была атмосфера! Поклонники театра готовы были даже стоять на одной ноге. Роль Беранже — персонажа, который так и не поддался повальному оносороживанию и остался человеком, — с успехом исполнял популярный Виктор Авилов. Спектакль не сходил со сцены многие годы, и, похоже, его смотрел весь округ — стар и млад.

Виктор Белякович — горячий поклонник творчества Ионеско, и естественно, что мы подружились. Он поведал мне про тернии на пути к звездному часу премьеры. Но главное, что она состоялась. Я безмерно благодарна В.Б. за бережное отношение к моему переводу.

Белякович блеснул и в постановке, и на сцене в пьесе «Король умирает», шедевре Ионеско, где, как мне кажется, писатель, пребывая всю жизнь в страхе перед смертью, предвосхитил конец своей жизни.

Виктор Белякович подвиг меня на перевод ионесковской «Макбета» — пьесы 1972 года, которая не является ни переводом, ни пересказом одноименной трагедии Шекспира. Ионеско воспользовался сюжетом великого драматурга, как сам Шекспир в свое время заимствовал его в средневековых хрониках и в «Хрониках Англии, Шотландии и Ирландии» Ф.Коллинса.

За перевод я получила от Беляковича в подарок ко дню рождения изысканный томик стихов Аполлинера (теперь подарок за мной — двухтомный Ионеско) с трогательной надписью. Но поставил Белякович «Макбета» Шекспира. Не судьба... Я мечтала послать Ионеско журнал «Театр» с этим и другими переводами, но публикация опоздала... Опоздали поставить и траурную рамку вокруг имени писателя.

***

Похоже, время и мода не угрожают театру абсурда Ионеско, укорененному в самой жизни. Многие из его пьес «обладают тысячей граней, из которых по меньшей мере одна оказывается злободневной» (слова и курсив Ж.-Л. Барро).

Ионеско интересует не столько конкретика истории, сколько типичность, повторяемость, универсальность ее поворотов. Там, где у Шекспира страшно, у Ионеско нелепо, жутко, одним словом — абсурдно. Что воздействует даже сильнее. Если Шекспир создал трагедию о жажде власти, то под пером Ионеско эта тема стала еще одним «бурлескным кошмаром», только кровавым. Последствия безудержной жажды власти здесь не просто ужасны, а до ужаса смешны. Каждая новая власть, как правило, узурпация, она неправдоподобнее предыдущей и еще беспардоннее попирает все и вся.

Не скоро пьесы Ионеско станут восприниматься как волшебные сказки для детей, о чем мечтал их автор.